

Нижние конечности

Переломы ног у меня случались несколько раз. Иногда я прихрамываю. Чую приближение дождливой погоды. Это всё чёртовы кости. Своенравные и непредсказуемые.

Однажды случилась приятная передышка – помимо моих каникул – когда ногу сломал отец. Мне нравилась его неподвижность. Дотянуться до бутылки с выпивкой сам он не мог, спокойно сидел в кресле, в чистой одежде, весь день читал, слушал музыку, чинил наши сломанные игрушки. Мать не бранилась. Но как только он встал на ноги, снова начались скандалы.

Мне почти шесть. На парковке у супермаркета мы встречаем директора школы. Он сидит в кресле-каталке с ручным управлением. Никому не надо было его толкать. Он мог сам разворачиваться, двигаться вперёд-назад с разной скоростью, резко останавливаться. Мать с ним здороваётся, и я тоже. Чуть позже она мне делает замечание, что не говорят просто «здравствуйте», надо говорить «здравствуйте, месье». Что ж, усвоено. Через пару дней, помня об этом, говорю какой-то даме «здравствуйте, месье».

В школьной столовой месье Бреан, наш директор, движется вдоль рядов, следит – хорошо ли мы едим. Затем он садится в отдалении, ему тоже приносят еду. Мы считали, что он тоже завтракает. После еды детвора выскакивает из-за столов и уносится во двор. А я иду медленно, чтобы директору не было завидно, ведь у него больные ноги.

Иногда, в автобусе, если он переполнен, я стою на площадке в конце салона. Ни за что не держусь. На поворотах приседаю и частенько падаю. Вот бы опять сломать ногу. Но брат едет с друзьями. Мои выкрутасы его не волнуют.

На острове Иос я зачитываюсь книжкой, купленной в киоске, где торгуют иностранной прессой. Это «Воспоминания человека, которому отказались служить ноги».

Думаю, что и я примусь за написание книги для себя, огромной книги, в которую стану постоянно добавлять по странице. И до самой смерти буду писать и читать свою книгу.

Мне исполнилось 13, на улице осень, и я начинаю - чёрной авторучкой, в толстой тетради. Слова – они как люди, так и кажется, что незаметно пробираешься сквозь идущий навстречу лес «ног».

Мой брат с трудом выводит своё имя. Учительница считает это нормальным, она говорит матери: «В имени Эмманюэль слишком много «ног», для такого малыша это сложно». Выходит, писать – это победить «ноги». Во время обедов, я ныряю под стол, располагаюсь поудобнее и начинаю разглядывать ноги, подслушиваю их разговоры, весь мир – где-то наверху, а я путаюсь у него под ногами.